

РОССИЙСКОЕ МУСУЛЬМАНСТВО В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ АСПЕКТ)

В. А. МАТВЕЕВ

Конструированию различных сепаратистских проектов на Северном Кавказе способствуют в значительной мере, как известно, искажения прошлого, основанные на негативном отображении реальности формирования государственного единства края с Россией [1, 62]. Какая опасность исходит от таких ретроспекций можно, в частности, проследить по востребованности их в религиозной доктрине ваххабизма, одной из радикальных разновидностей ислама [см. подробнее: 2]. Нацеленность ее на подрыв устоев российского федерализма опирается прежде всего на утверждения о насильственном присоединении. Оправдывается с помощью исторических технологий и террористическая деятельность, подчиненная так или иначе достижению независимости.

«Моджахеды Кавказа» призываются к началу «освобождения... от русских оккупантов» [3]. В качестве конечной цели борьбы предлагается «исламское государство», охватывающее территорию «от Каспийского до Черного и Азовского морей» с отнесением северной границы к пределам донских степей. Кавказ после этого, по мнению идеологов, должен стать «Великой Державой», которой Россия платит «налоги за нанесенный ущерб» [цит. по: 4, 7, 174]. Однако такая перспектива, как показывают исследования, не получила поддержки у населения, не воспринимающего «ценности ваххабизма» и намерений отделения от России под какими бы то ни было предло-

гами, в том числе и религиозными [4, 176, 180].

Отсутствие массовой опоры вынуждены были также признать сторонники других разновидностей северокавказского сепаратизма [см. подробнее: 5]. В проектах разрушения российской государственности содержатся и скрытые механизмы, представляющие не меньшую угрозу [6, 26-27]. В условиях современных вызовов патриотический потенциал российского мусульманства как и ранее оказывается тем не менее не востребованным. На наличие такого феномена впервые указано в брошюре крымско-татарского просветителя Исмаила бея Гаспринского (1881) [7]. Между тем российское мусульманство как наследие прошлого остается до сих пор не изученным. Предпосылки для ослабления цивилизационного влияния зарубежного исламского мира создались постепенно и явились следствием проводившейся на окраинах отечественного Востока политики.

И. Гаспринский не без основания утверждал, что в России «ветви тюрко-татарского племени делают ее нераздельной, составной частью», нераздельной частью «обширного отечества». Учитывая складывавшуюся в связи с этим ситуацию, он предсказывал, что России «в будущем суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств», с сохранением вместе с тем на международной арене позиций «великой христианской дер-

жавы» [7, 258]. Эта реальность, несомненно, была одним из достижений проводившейся политики. На рубеже XIX-XX вв. цивилизационное тяготение к мусульманскому зарубежному Востоку обрело на северокавказской окраине России все больше признаки остаточного характера.

Хотя в тот промежуток времени «туземное» население оставалось ко всем событиям, происходившим там, как сообщал в Петербург наместник его императорского величества И. И. Воронцов-Дашков, «совершенно равнодушным», а «отдельные попытки проповеди панисламизма и пантюркизма» в его среде не имели никакого успеха [8, 9-10], возможности воздействия этого сопредельного геокультурного ареала на стабильность в регионе не были еще полностью изжиты. Но и влияние сопредельного мусульманского Востока, обретая пережиточные свойства, проявлялось уже значительно слабее. Ранее же религиозная напряженность на Кавказе периодически обострялась и вызывала обеспокоенность у представителей русской администрации.

В 1841 г. существовала, например, угроза восстаний из-за событий в Египте, где произошло массовое выступление против Турции, охватившее многие ее азиатские провинции. В среде «туземного» населения, исповедовавшего ислам, распространялись слухи о близости того момента, когда произойдет победа «полумесяца над крестом». Это находило отклик тогда у какой-то части мусульманского духовенства. Некоторые его представители во время богослужений, в частности, заявляли: «Мы объединимся и вместе завоюем земли Дагестана, возьмем Астрахань, Дербент и Анапу, мы изгоним неверных с земель Ислама» [9, 166-167]. Подобные настроения на сходах формировали и некоторые старейшины [9]. Однако в дальнейшем такая зависимость становилась все менее заметной и признаки российской идентичности мусульман Северного Кавказа становились более устойчивыми.

Именно цивилизационное тяготение к мусульманскому Востоку являлось одним из препятствий для интеграции специфических частей края. Об усилении ориентации на российское государственное пространство свидетельствовал и возросший интерес в среде мусульманского населения к получению образования в учебных заведениях, подчинявшихся имперским управленческим структурам. Причем муллы, видевшие в этом опасность для сохранения своей влияния, оказывались не в состоянии, как признавали представители русской администрации в крае, «задержать в значительной степени развитие школьного дела» [10, 78]. Особой популярностью пользовались варианты преподавания с участием самих горцев, получавшие все более широкое распространение [10].

Так, в служебной записке от 11 октября 1893 г., предназначенной для информирования руководителей более высокого уровня, начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска извещал вышестоящие инстанции: «В последнее время среди горского населения вверенной мне области замечается большое стремление к образованию. Потребность эта настолько велика, что имеющиеся горские вакансии в Ставропольской гимназии и Майкопской горской школе далеко не удовлетворяют всех желающих учиться» [11, 14]. Подтверждалось это в донесениях атаманов отделов, начальников округов и другими административными инстанциями по всему краю. Позиции же мусульманского духовенства и в этом случае имели существенные различия. Разобщенность его являлась своего рода отражением сохранявшегося цивилизационного и этнополитического разлома, предопределявшего когда-то неодинаковые позиции «туземных обществ» при установлении единства с Россией и не преодоленного за полвека нахождения в ее составе.

Вместе с тем с наступлением экстремальных обстоятельств, в отличие от других универсалистских образований, на

ее окраинах, например, в 1905-1907 гг., не замечалось стремления к обособлению. Проявлялось это и на проводившихся в тот период съездах «мусульман России» в Нижнем Новгороде и Петербурге. Вопреки сложившемуся мнению, в принимавшихся на них резолюциях не отображались идеи «тюрко-исламской солидарности» с сепаратистской направленностью [12, 159]. Они способствовали лишь «организационному объединению российских мусульман», а также содержали проекты реформ в интересах этой части населения империи [12]. К тому же сыгравший немаловажную роль в организационных мероприятиях и председательствовавший в 1906 г. на II съезде в Петербурге Гаспринский «стержнем тюркской общности» считал «историческую связь» ее именно с Россией [12, 157].

При нарастании революционного кризиса в июне 1905 г. к наместнику на Кавказе графу И. И. Воронцову-Дашкову обратились уполномоченные от мусульманского населения с выражением верноподданнических чувств. Переданные требования не содержали каких-либо враждебных России выпадов и не выходили за рамки возможных преобразований [13, 238]. Сводились они к устранению ограничительных мер в различных сферах, установленных для мусульман в период включения в состав империи с учетом наличия в крае цивилизационного разлома, более широкому приему их детей в образовательные учреждения, разрешение преподавания там, где есть необходимость, на родных языках, облегчение условий для издания газет и журналов религиозного содержания [13].

Общегражданский характер носили и пожелания повысить доступ на государственную службу, унифицировать, что весьма показательно, структуру управления и ввести земские учреждения, получившие к тому времени распространение в центральных губерниях, снизить в ряде случаев налоговые повинности и т.д. [13]. В одном из обращений к центральной власти видных северокавказских деятелей исла-

ма в 1906 г. содержалось такое заверение: «Мы, российские мусульмане... будем служить нашему... царю и его трону так же верно, как служили ему наши отцы и деды» [14, 31]. В нем, так или иначе, обращалось внимание верующих на традиционную связь их конфессии с «общей родиной» и ее верховной монархической властью, игравшей на том этапе, как известно, роль объединительной для государства идеи.

А в опубликованном в печати 1 октября 1909 г. «Воззвании мусульманского духовенства и горской интеллигенции к туземцам Терской области» подчинение русской власти, сотрудничество с местной администрацией и добрососедские отношения с терским казачеством объявлялись «делом угодным Аллаху» [15, 203]. Такой же настрой на сохранение целостности сложившегося в прошлом государственного пространства существовал в тот промежуток времени и в других восточных регионах страны [16, 35].

На эту особенность обратил внимание в 1910 г. автор общего обзора «Иногородцы» в обстоятельном издании, включавшем, кроме того, в себя описание еще двух крупнейших имперских образований: Австро-Венгерского и Германского. Напротив, отмечает Л. Штернберг, среди российских мусульман «мы не видим никаких сепаратистских тенденций... все они проникнуты твердым убеждением, что только в единении со всеми народами России... каждая народность обретет свое поправное право» [17, 566]. Подметил он и то, что «происходившее сближение мусульман всех областей России преследовало интересы чисто духовные... в центре сближения опять-таки стояла Россия». На основе изученных документов Штернберг делает вывод о том, что «ни в один момент русской истории связь иногородцев с Россией не была столь крепка духовно, как в годы освободительного движения» [17].

Эти наблюдения, таким образом, также вскрывали наличие чрезвычайно важного для понимания России явления, объясне-

ний которому ни в отечественной, ни тем более в зарубежной науке тогда не существовало. Гаспринский одним из первых назвал это явление «русским мусульманством» [18, 257-259]. Когда именно появилось оно, сказать трудно. Можно только констатировать, что отряды, состоявшие из мусульман, принимали участие уже в собирании в единое государство русских земель, находившихся в московских ратях, противостоявших в 1471 г. на реке Шелоне попыткам новгородцев сохранить вечевую удельную вольность. Мусульмане своим участием поддержали в 1552 г. усилия России по освобождению 100 тысяч православных невольников, захваченных в плен вследствие набегов из Казанского ханства и находившихся в его пределах [19, 17].

В самый же критический для России момент, когда ее будущее из-за агрессии Швеции и Польши было крайне не определенным, на патриотический призыв К. Минина и Д. Пожарского в 1612 г., побуждавший к решительному действию для спасения родины, откликнулись и представители этой конфессии. Не следует забывать и то, что в грамоте об избрании на престол Михаила Федоровича Романова оставили подписи семь татарских мурз, выразивших тем самым на Земском соборе настрой мусульманского населения того периода на восстановление государственной целостности России и предотвращения для нее опасности новых иноземных завоеваний [19].

В 1812 г. российские воины также вдохновлялись стоять «на смерть за отечество» против «непобедимой» европейской армии не только молитвами православного, но и мусульманского духовенства. Призывы стоять за Россию «во имя Аллаха» раздавались неоднократно в XIX в. и перед другими битвами. Отечественное мусульманство как явление выдерживало испытание на устойчивость и в иных экстремальных ситуациях. То, что можно было использовать для ослабления и нейтрализации локальных деструктивных проявлений на

Северном Кавказе его патриотический потенциал подтверждает многое.

Не получили здесь, например, отклика попытки распространения идей панисламизма, единства всего мусульманского мира, и пантюркизма, общности всех тюрок, предпринимавшиеся систематически с конца XIX в. [20, 1]. Последователи этой доктрины не ограничивались в пропагандистской деятельности пределами Турции и предпринимали усилия к ее организации на российских окраинах [20]. Такая деятельность в начале XX в. достаточно широко развернулась, в том числе в Дагестане, а оттуда распространялась на Терек [21]. Ее результативность была далека от предполагаемых ожиданий, подтверждением чему служит отсутствие в указанный промежуток времени «религиозных движений» в этих областях, но она, как фиксировалось в донесениях начальников округов, способствовала в какой-то мере возбуждению в среде отдельных «туземных обществ... ненависти к русским» [22].

При проведении работы в массах турецкой агентурой учитывались и экономические затруднения, усиливавшиеся по мере нарастания общего состояния кризиса в стране. Несмотря на это наметившаяся с 1905 г. тенденция ослабления религиозного фанатизма, в тех районах, где он имел распространение, обретала все большую устойчивость [23]. Тем не менее, цивилизационные реальности, доминирующим компонентом в которых выступал фактор веры, в наступившем противоборстве играли существенное значение. Однако ставка на них с использованием исламской составляющей в пропаганде не давала сколько-нибудь заметных результатов. Инициаторы кампании, судя по всему, к ее организации и проведению подходили с опорой на устаревшие представления.

О неадекватности их говорит хотя бы то, что на рубеже XX в. в России наметилось ослабление религиозности населения [24, 165], а с 1905 г. оно обозначилось и в наиболее сложных мусульманских регио-

нах [25, 12-13]. Такого рода изменение на столь консервативном направлении вызвалось более привлекательным для масс идеологическим воздействием, какое в тот период могли оказывать революционные учения. Неслучайно ослабление религиозности мусульманского населения на Кавказе совпало с «революционным брожением» 1905 г., поддерживавшимся противоправительственной агитацией на почве нерешенности социально-экономических проблем. Это подтверждается, к слову, всеподданнейшими отчетами губернаторов и начальников областей края за 1906 г. [26, 27-27-об.].

Между тем, кроме констатации Министерства внутренних дел о том, что в России «панисламистская пропаганда успеха не имеет» [27, 1-1-об.], других выводов на этот счет по ходу событий, к сожалению, так и не было сделано. Данное же оперативное наблюдение нуждалось, безусловно, в объяснении для обеспечения более эффективной защиты государственных интересов. Но особенности протекавших в крае этнополитических процессов из-за отсутствия соответствующих реальности знаний с наступлением кризисной эпохи в начале XX в. представителями русской власти не осознавались с достаточной глубиной. Нависшей угрозе дестабилизации, кроме административных мер, ничего не противопоставлялось.

С 1905 г. намечалось обращение к предшествующему опыту времен успешного завершения Кавказской войны, предпочтительное назначение по причине недостатка подготовленных кадров на службу в крае ее ветеранов, хорошо понимавших «дух кавказский», восстановление наместничества и т.д. [28, 215]. То, что можно было использовать для ослабления и нейтрализации локальных деструктивных проявлений на Северном Кавказе патриотический потенциал отечественного мусульманства, как в региональном, так и в более широком российском его отражении, подтверждает многое.

Воззвание о начале войны на Дальнем Востоке разъяснялось муллами на арабском языке во время проповедей в мечетях. Некоторые из них вели также соответствующую агитацию, пробуждая патриотические чувства в массах, или молились со своими прихожанами за успех русского оружия в нелегком для страны испытании [29, 224]. Накануне событий 1914 г., связанных, в том числе, с намечавшимся вновь обострением геополитических противоречий вокруг Кавказа, турецкая агентура активизировала свою деятельность, прикрываясь якобы существовавшими намерениями «исламского просвещения» и объединения «всех мусульман для прогресса», чем, собственно говоря, и стремилась привлечь симпатии единоверцев. Занимавшиеся этим специальные комитеты не ограничивались в своей пропаганде пределами Османской империи и стремились к тому, чтобы способствовать «возрождению ислама... в России» [30, 1] как важнейшего фактора для разрушения ее целостности.

С началом Первой мировой войны, когда с невиданным размахом развернулось противоборство за пересмотр сложившихся ранее государственных границ и предел зависимых владений, по наблюдению Министерства внутренних дел, в Турции активизировали деятельность религиозные движения, намеревавшиеся вместе с тем способствовать «возрождению ислама... в других странах и, в частности, развивать панисламскую и пантюрокскую идею в России» [30]. Во все губернии и области «со значительным... мусульманским населением» для этого засылались под разными прикрытиями начитанные ходжи для проповеди теории «о единстве всего мусульманского мира» [30]. Проникая в соответствующие местности, агентура имела преимущественно зарубежное, как правило, турецкое, происхождение, но в ее среде встречались и завербованные возвращающиеся в Россию паломники, совершившие в соответствии с предписаниями ислама

хадж в Мекку «для поклонения гробу пророка Магомета» [31, 17].

Натолкнувшись на медленное распространение связанных с идеей панисламизма догматов на российских окраинах, и на Кавказе тоже, координаторы этой деятельности стали собирать сведения «для детального изучения образа жизни, религиозных и политических настроений проживавших там народов. Главное внимание при этом уделялось возбуждению в массах фанатизма через «исламское просвещение» [27, 1-1-об.]. Фактор «исламского просвещения» в проводимой политике, как уже отмечалось выше, задействовала и Россия. Панисламистами фактор «просвещения» использовался для возбуждения в массах фанатизма и разрушения государственного единства России. На Кавказ, например, завозились большие партии оружия для предполагаемых восстаний [27, 23].

В октябре 1914 г., турецкими панисламистами было составлено специальное воззвание мусульманам всего мира «Священная война обязательна», в котором утверждалось со ссылками на выдержки из Корана, что «все мусульмане, без различия национальности и подданства, являются, согласно велениям их религии, братьями и потому должны, под опасением небесной кары, всячески помогать друг другу» [27, 1]. В воззвании провозглашалась борьба «за освобождение... народов, исповедующих ислам» [27, 1-1-об.]. Поднимался в этой связи в своеобразной постановке и территориальный вопрос [27, 3-5-об.].

В распространявшихся турецкой агентурой пропагандистских прокламациях содержалось предписание, что «каждый верующий мусульманин должен считать себя воином, ибо настало время освободить мусульманские земли от неверных» [27, 3]. К ним были отнесены Астрахань, Казань, Крым, Туркестан и местности расселения российского казачества. В этих притязаниях обозначался и Кавказ. Необходимость отторжения этих территорий обосновывалась тем, что «они находятся в подчинении

у неверных, хотя мусульманское население в них составляет большинство» [27, 3]. Текст заканчивался призывом «к немедленному объявлению священной войны» за их возвращение, к не подчинению «распоряжениям христианских правительственных властей», не уплате повинностей и регулярному истреблению иноверцев. Россия, как и ее союзники (Англия, Франция), обвинялась не без умысла в этой связи в стремлении «погасить дивный свет магометанской религии» [27, 5].

Враждебную агитацию на ее территории активно проводили и иные зарубежные организации. Так, образованный в Германии «Союз для охраны германизма за границей» разослал по немецким колониям на окраинах империи, в том числе и на Кавказе, своих эмиссаров, которые порицали все русское и предпринимали усилия распространить в среде колонистов настроения пангерманизма [33, 1]. Опасность этих разновидностей агитации, в особенности панисламистской, для стабильности и целостности государства была очевидна [34, 1].

В ноябре 1914 г. «султан-халиф» объявил «джихад», вложив при этом особый смысл в его характер. Он заключался в том, что вооруженная борьба на истребление должна быть направлена не против всех иноверцев вообще, а только в связи со сложившимся моментом против одной группы держав, враждебных Османской империи и ее союзникам. В развитие этой инициативы мусульманский первосвященник («шейх-уль-ислам») сформулировал пять фетв, канонических толкований происходящих событий на основе Корана [35, 48]. «Россия, Англия и Франция, – утверждалось в них, – проявляют все старания – да упасет от этого Аллах – погасить высокий свет ислама» [35]. Исходя из этого все мусульмане, проживавшие в пределах государств Антанты, призывались выступить против своих правительств, и это вменялось им в обязанность [35]. Особый смысл в фетвах придавался и употребляемым понятиям. Выступали они не как правовые и полити-

ческие заключения, а имели прежде всего направленность на формирование сознания верующих за пределами Османской империи [36, 231].

Обращение с фетвами «шейх-уль-ислама» сообщало призыву наиболее важное значение. Обладавшее этим титулом лицо в Османской империи воспринималось в качестве наделенного высшими религиозными и политическими полномочиями «старейшины ислама», призванного освещать решения султана [36, 254]. Приписка к титулу «халиф» представляла последнего как «главу мусульманской общины», замещающего, как считалось у верующих, «пророка Муххамеда» [36, 237]. На окраинах отечественного Востока, в отличие от Османской империи, сложилась практика присваивать звание «шейх-уль-ислама» лишь шиитским и суннитским муфтиям [36, 254]. И, наконец, если в обычном применении «джихад» имеет более широкое толкование, включавшее в том числе духовное совершенствование, в тексте анализируемого воззвания он сводился лишь к борьбе за веру [36, 57]. Выделение смыслов с такой направленностью в самом Коране осуждалось: «вы верите в одни слова сей Книги, и отвергаете другие...» [см. подробнее: 37, 42]

Однако все религиозные системы позволяют делать любые интерпретации содержащихся в них положений. Единой же теории «джихада» не существует [38, 19]. В дальнейших разъяснениях в фетвах указывалось на то, что «неверными следует считать только державы Антанты... Германия и Австрия являются опорой и защитницей ислама» [35, 48]. Однако данное обращение «султан-халифа» к мусульманам, содержащее для усиления воздействия на верующих своеобразные теософские обоснования, не получило сколько-нибудь значительной поддержки в странах зарубежного Востока, в том числе даже таких, как Египет и Индия, где население имело в тот промежуток времени повышенную предрасположенность к религиозному фанатизму. На российских

окраинах этот призыв встретил еще большую невосприимчивость [35, 48].

Столкнувшись с этой реальностью, панисламистские комитеты в Турции послали в 1914 г. во все страны с мусульманским населением своих агентов для детального изучения образа жизни, религиозных и политических взглядов единоверцев с целью выработки мер для их последующего объединения и выявления возможностей для развития фанатизма, который к тому времени на российских окраинах неуклонно ослабевал [27, 1–1об., 3]. Пропаганда на этом направлении велась и отдельными сторонниками панисламистской и пантюристской идей из среды российских мусульман и особенно при посредстве специально подготовленных лиц, проникавших в Россию из Турции под видом купцов, странствующих мулл, возвращавшихся из Мекки богомольцев после совершения паломничества (хаджа) и т.д. [27, 3].

Наряду с проповедями «о духовном и национальном единстве мусульман всего мира» велась агитация за признание лидирующего значения для них единоверной Турции и ее халифа «в качестве духовного главы всего мусульманства» [27, 3]. Подрывная деятельность турецкой агентуры попадала в поле зрения соответствующих подразделений Министерства внутренних дел, но специальные разработки неизменно показывали устойчивость отечественного мусульманства к пропаганде, направленной на разрушение целостности Российской империи [27, 1]. Исключения не воспринимались, по-видимому, сотрудниками этого ведомства как представлявшие угрозу и этим скорей всего объясняется то, что оперативные наблюдения не сопровождались принятием решительных мер, хотя они были, безусловно, необходимы.

На Северном Кавказе, например, отдельные представители мусульманского духовенства, преимущественно имевшие низший сан, проводили целенаправленную враждебную агитацию, способствовавшую возбуждению в массах религиозной нетер-

пимости [38, 10]. В начале XX в. еще встречались эфендии и муллы, в частности, в Кубанской области, продолжавшие возбуждать население против России, «существующего строя... и правительства». Они всячески стремились поддержать вражду к православным там, где она еще существовала, и вели для этого соответствующую пропаганду [39, 229, 252]. Под ее воздействием появлялись и сепаратистские настроения.

Некоторые муллы заканчивали молитвы в мечетях в 1914 г. призывами: «Да изгинет род русского царя!» – предсказывая в пророчествах, по свидетельству Х. Ошаева, основанному на личных воспоминаниях, неизбежный приход турок – «людей с черным флагом» [38]. По его утверждению, у какой-то части «туземных обществ» Терской области, преимущественно в чеченских селениях в горных районах, объявление войны было встречено «с тайным ликованием, с ожиданием всяких бед русскому начальству». Под воздействием религиозных проповедей враждебного содержания фанатичные массы «радовались каждой неудаче русских войск и печалились при неудачах Турции» [38].

Однако в преобладающей степени мусульманское духовенство на том сложном и не определенном для будущего страны этапе старалось все же всячески формировать настрой на единство с Россией. Это проявилось и при встречах Николая II с его представителями во время поездки на Кавказский фронт во всех населенных пунктах края, где происходили остановки. Состоялась такая встреча, например, в Петровске 20 ноября 1914 г. По прибытии монарха 25 ноября в Дербент, с приветствием к нему в присутствии депутации от Дагестанской области, состоявшей из мулл, старшин и почетных лиц всех округов, обратился на кумыкском языке, с которого был сделан перевод, один из видных религиозных авторитетов З.Б. Тарковский. В речи он особо выделил такую фразу: «Любовь к Царю и любовь к Отечеству есть неразрывные части мусульманской веры» [40].

Находясь на Кавказе, со своей стороны глава российского государства своим поведением подчеркивал личное уважение к мусульманской религии. В Тифлисе, выполнявшем роль централизованного управления регионального центра империи, он нашел возможность для общения с представителями высшего мусульманского духовенства, посетил шиитскую и суннитскую мечети, выслушал стоя на коленях молебны на арабском языке [41]. В его присутствии закавказский муфтий свою молитву закончил словами: «Да благословит тебя, государь, всевышний царь-царей на мудрое, долгое и счастливое царствование, на благо своих подданных и на страх врагам твоим» [42].

Поездка Николая II на Кавказ в данный промежуток времени судя по всему неслучайна. Она явилась своеобразным откликом на цивилизационный вызов, который явился одним из немаловажных факторов противостояния в условиях начавшейся Первой мировой войны. «Султан-халиф», воспринимавшийся как обладатель верховных прав в среде всех мусульман не только Османской империи, объявил «джихад» в том числе и России. Появились и канонические толкования происходящих событий на основе Корана «шейх-уль-ислама», имевшие по отношению к ней враждебную направленность [34, 48]. В событиях тем самым привносился с турецкой стороны духовный (сакральный) аспект, который мог сыграть деструктивную роль. Однако по шариату российский монарх тоже считался обладателем верховных прав на своих подданных, исповедовавших ислам. На Кавказе Николай II получил благословение всех высших представителей мусульманского духовенства, с пожеланиями «победы над врагами» [42, 90х-об.], что также имело глубокий сакральный смысл.

Но в наступивших для России испытаниях какая-то часть мусульманского духовенства северокавказской окраины занимала и иные позиции, что также, безусловно, необходимо учитывать. Отмеченная

двойственность продолжала сохраняться и, как показывали события, постепенно происходило ее углубление. Оно носило скрытый характер, и специальные службы империи не смогли, видимо, в должной мере оценить разрушительный потенциал нарастающей угрозы. Во внимание, судя по всему, принималось преимущественно то, что устойчивость к деструктивным сепаратистским воздействиям, в том числе основанным на идее исламской исключительности и религиозного единства, показывало и российское мусульманство. Получаемые оперативные сведения неизменно вскрывали эту тенденцию, имевшую в реальности явное доминирование. Само явление, как можно видеть по их содержанию, не было осмыслено.

Вместе с тем в среде мусульманского населения Российской империи существовали и враждебные настроения. Подпитку они находили и за рубежом. Этим старались воспользоваться соответствующие группировки. В 1915 г. в Стамбуле создается Комитет по защите прав мусульманских тюрко-татарских народов России, распространявший слухи о якобы их «бедственном положении». С этой целью его организаторы посещали европейские страны, где старались навязать свои представления. Информация направлялась и ряду правительств. В программу Комитета были включены и сепаратистские требования об образовании независимого от России Туркестана, а также воссоздания Крымского и Казанского ханств. В 1916 г. на встрече активистов в Стокгольме был подписан меморандум, в котором содержались положения об угнетении народов России, нарушении их прав, в том числе в религиозных вопросах. Сообщение об этом по телеграфу было направлено президенту США Вильсону [12, 162].

Связывать же восстания 1916 г. в Туркестанском крае с влиянием оппозиционных исламских группировок ошибочно. Источники указывают на то, что протестные движения в тот период вызывались не

клерикальными движениями, а реквизициями, введенными и на восточных окраинах Российской империи в период Первой мировой войны. Не прослеживается и какая-либо роль «идеологии тюркизма» в акциях недовольства. Оторваны от реальности и утверждения о наличии «вооруженной освободительной борьбы» в мусульманских регионах. Опровергаются они, например, донесениями Министерства внутренних дел, в которых указывалось на то, что протесты не выбиваются за пределы общегосударственных задач и не имеют сепаратистской окраски.

Так, в 1916 г., когда стало нарастать недовольство населения Казанской губернии мусульманской фракцией Государственной думы, считавшего, что она «не отражает и не отстаивает интересов многомиллионного мусульманского населения империи» [43, 35]. Замечалось это недовольство и на Кавказе. Провоцировалось оно распространявшимися слухами, что на предстоящей сессии Государственной думы «будут затронуты весьма важные для инородцев вообще и, в частности, для мусульман вопросы» [43, 35]. Велась агитация за необходимость командировать «в помощь членам фракции опытных и образованных общественных деятелей из различных местностей с мусульманским населением» [43, 38]. В этой связи Особый отдел канцелярии наместника его императорского величества на Кавказе предпринял усилия взять под контроль это движение.

Начальникам губернских и областных жандармских управлений Кавказского края был разослан циркуляр с просьбой «уведомить, не предполагается ли командирование уполномоченных с указанной целью в Петроград... и, в утвердительном случае, сообщить подробные данные о личности командируемых, политическом их направлении и тех... директивах, какие будут ими получены от местных мусульман, выяснив также... какие отдельные домогательства мусульман они намерены поддержать» [43, 38]. После изучения обстановки последо-

вало разъяснение, что широкий размах это недовольство на Кавказе не обрело [43, 41].

На рубеже XIX – XX вв., тем не менее, Северный Кавказ продолжал оставаться зоной цивилизационного разлома, с существенно ослабленным, но сохранившимся тяготением к Востоку. Вместе с тем край превратился в составную часть российской государственности. Воздействие ее поля на происходившие процессы было более действенным, чем влияние, исходившее из сопредельных стран. Происходило становление особого отечественного феномена, не имевшего аналогов в зарубежной практике. Российское мусульманство, наряду с православием, играло конструктивную роль в сближении народов Северного Кавказа и преодолении цивилизационного разлома. Интегрированность «туземных обществ» края, исповедовавших ислам, в российское согражданство возрастала.

По мере разрастания российского государственного пространства обнаруживалась необходимость универсалистской объединительной идеи, которая своевременно не была замечена. Но такая идеология в России, основанная на объективных данных науки, отсутствовала. В начале XX в. наметилось ослабление фанатизма в тех районах, где он был после завершения Кавказской войны наиболее сильным. Ос-

лабление религиозности населения являлось общей тенденцией в пределах Российской империи. С 1905 г. оно обозначилось и в наиболее сложных мусульманских регионах северокавказской окраины. Ее появление на столь консервативном направлении могло быть вызвано лишь более привлекательным для масс идеологическим воздействием. В тот период его могли оказывать только революционные учения.

Муллы противодействовали распространению идей панисламизма и пантюркизма, при возникновении внешних угроз в начале XX в. вели пророссийскую агитацию, пробуждающую патриотические чувства в массах. Не получил поддержки на российских окраинах и призыв об отторжении «исламских территорий». Проявлялась и другая реальность. Отдельные представители мусульманского духовенства на Северном Кавказе проводили враждебную агитацию. В начале XX в. оставались еще эфендии и муллы, продолжавшие настраивать население против России. Под воздействием такой пропаганды появлялись и сепаратистские настроения. Но альтернативу, связанную с разрушением единства с Россией, как показывали различные события, можно было навязать только силой. За небольшим исключением мусульманское духовенство края ее не поддерживало.

1. Суций С. Я. Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2010.
2. Малащенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2003.
3. Нухаев Х.-А. Террор – технология цивилизации. М., 2002.
4. Акаев В. Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2004.
5. Нухаев Х.-А. Россия и Чечня: мир по формуле «Победа – Победа» // Россия и Чечня: поиски выхода. Сб. статей. СПб., 2003.
6. Дзидзоев В. Д. Национальные интересы Российской Федерации на Кавказе после «холодной войны» (историко-политологический аспект глобальной проблемы) // Кавказский регион: пути стабилизации: Материалы международной научной конференции. Ростов н/Д, 2004.
7. Гаспринский И. Русское мусульманство. Симферополь, 1881.
8. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта

- графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913.
9. *Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана.* М., 1998.
 10. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1229.
 11. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 778.
 12. *Червонная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Отечественные записки.* 2003. № 5.
 13. История Дагестана. М., 1968. Т. II.
 14. *Шафранов В. П. К вопросу о формировании адыгейской социалистической народности // Из истории партийной организации Адыгеи: Сб. статей.* Ростов н/Д, 1976.
 15. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. В 2 т. Грозный, 1967. Т. 1.
 16. *Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905-1917 гг.* М., 1976.
 17. *Штернберг Л. Иностранцы // Формы национального движения в современных государствах.* Австро-Венгрия, Россия, Германия. Под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.
 18. *Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией.* В 2-х ч. М., 1994. Ч. 1.
 19. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика) / Сост. Д. Ю. Арапов. М., 2001.
 20. ЦГИАГ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1133.
 21. *Ратгаузер Я. А. К истории гражданской войны на Терекке.* Баку, 1928.
 22. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299.
 23. Жизнь национальностей. 1 января 1920 г.
 24. *Курдов П. Г. Гибель Императорской России.* М., 1991.
 25. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5765.
 26. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115.
 27. ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 285.
 28. ЦГИАГ. Ф. 94-с. Оп. 1. Д. 326.
 29. *Вершигора А. Д. О взаимодействии адыгов и русских в военных вопросах после Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность.* Мат. науч. конф. г. Краснодар. 16-18 мая 1994 г. Краснодар, 1995.
 30. ЦГИАГ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1133.
 31. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 215.
 32. ЦГИАГ. Ф. 12. Оп. 13. Д. 254.
 33. ЦГИАГ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 656.
 34. *Миллер А. Ф. Оттоманская империя. (Султанская Турция).* М., 1946.
 35. Исламский толковый словарь / Сост. Г. М. Гогиберидзе. Ростов н/Д, 2009.
 36. Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. 10-е изд. доп. М., 2008.
 37. *Добаев И. П., Добаев А. И., Гаджибеков Р. Г. Радикализация ислама в Российской Федерации.* М., Ростов н/Д, 2013.
 38. *Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне.* Грозный, 1927.
 39. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5701.
 40. Дагестанские ведомости. 7 декабря 1914 г.
 41. ЦГИАГ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1387.
 42. ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 86.
 43. ГАКК. Ф. 454. Оп. 3. Д. 6453.